

Д.С. ФРОЛИКОВА, ученица 11 «А» класса, МОУ «Речицкая СОШ»
Л.И. ЗОРИНА, руководитель

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Ура! Вот они, летние каникулы! Я ждал их с нетерпением. Мы с мамой собирались поехать на море. Это была моя давняя мечта. И наконец она вот-вот должна осуществиться. Мама дорабатывала последнюю неделю перед отпуском, и я уже начал собирать чемоданы. И все бы хорошо, если бы...

Был последний мамин рабочий день, и я с особым трепетом ждал ее возвращения. Я убрал весь дом: вытер пыль, пропылесосил, протер полы и даже вымыл посуду, но она почему-то все не возвращалась. Но вот послышался поворот ключа в двери.

— Ура-а-а... — закричал я и бросился к ней на шею.

Мама, поцеловала меня в макушку, потрепала мои непослушные волосы и, ничего не сказав, стала снимать обувь.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Мама вздохнув, отвела глаза в сторону, и я понял, что все мои планы, связанные с поездкой на море, сейчас вот-вот рухнут. Мне хотелось закричать: «Ничего не говори!..»

— Знаешь, сынок, придется нам отложить поездку.

— Почему? — спросил я почти шепотом, и голос мой дрогнул.

— Сынок, не всегда все зависит от желания человека. Бывают обстоятельства...

И она начала мне рассказывать о непредвиденных ситуациях, о взаимовыручке, долге. «И наконец, — сказала она, — есть элементарная ответственность».

Я слушал ее молча, а моя голова клонилась все ниже и ниже.

— И вообще, что море? — сказала она, стараясь придать своему голосу больше бодрости, хотя у нее это не совсем получалось. — Жара, толкотня. А вот у бабушки хорошо: лес, озеро, чистый воздух. Что еще надо для отдыха?

— Что надо? Что надо? — бурчу я себе под нос. — Деревня, она и есть деревня.

Был я там раза два — скука. Правда, я тогда был совсем маленький и почти ничего не помню, но все равно скука. Даже в кино не сбегаешь и с друзьями в футбол не поиграешь. А море — это мечта! Да разве маме объяснишь?

...И вот, собрав чемодан, попрощавшись с мамой, я сел на автобус и уехал к бабушке. Там я, как и предполагал, слонялся без дела и скучал, пока однажды не познакомился с Колькой.

В мои постоянные обязанности входило поливать грядки и ходить за хлебом. Там, у магазина, мы с ним и познакомились. Я пошел за хлебом, как и всегда, но магазин оказался закрытым на санитарный час. Возвращаться домой не имело смысла. Я сел на бревно, лежащее у входа, и стал ждать.

— Чтоб тебе пусто было! — донесся до меня чей-то недовольный голос.

Я поглядел за угол и увидел мальчишку примерно моего возраста, тащившего тачку с травой. Вернее, он стоял на месте, глядя с недоумением на отвалившееся колесо и почесывая в растерянности затылок.

— Да-а, дела, — сказал я, подойдя к нему. — Непредвиденная авария?

— А ты что, сам не видишь? — возмутился он. — Помог бы лучше.

Мы кое-как нацепили колесо. Колька — так звали моего знакомого — впрягся спереди, а я, поддерживая, толкал сбоку. Идти было неудобно.

— Ты бы еще больше нагрузил, — пробурчал я. — Трва-то кому?

— Кроликам, будь они неладны. Хотел зараз привезти, чтоб на озеро пораньше выбраться. А ты любишь рыбу удить? — спросил он у меня.

— Не знаю. — Я пожал плечами.

— Хочешь со мной? — предложил он.

Я кивнул:

— Но у меня удочки нет.

— Найдем, — пообещал Колька.

Сошлись мы с ним как-то быстро. Колька был невысокого роста, темноволосый, веселый

и находчивый. К тому же был заядлым рыбаком. Я же в рыбалке ничего не смыслил. Знал только, что есть рыба, что ее нужно ловить, но сам никогда этим не занимался, а живую видел только в аквариумах в рыбном магазине. Но с того дня мы каждый вечер проводили на озере. Не скажу, чтоб улов у нас всегда был большой, но без рыбы мы не возвращались. А в тот вечер рыбалка у нас не заладилась. Мы сидели на своем месте, в прохладных зарослях ивняка. Солнце стояло еще высоко, и, хотя дул легкий ветерок, было жарко. Прошло с полчаса, а поклевки не было ни одной. Но Колька настырный: так просто не сдастся. Он откопал червяка (ловили мы обычно на манку), нацепил его на крючок, поплевав для солидности, и вновь забросил удочку. В полной тишине, слушая только, как стрекочут кузнечики да звенят крыльями стрекозы, просидели мы еще минут десять. Но клева не было. Вдруг слышим: вода плещется, да так, что круги до нас доходят. Выглянули мы из-за кустов и видим: какой-то старик тащит здорового карасицу. Мы с Колькой побросали свои удочки и подбежали к нему. Глядим, а в ведерке у деда рыбы полно.

— Как это у вас так получается? — спросил я.

— Э, ребятки, к любому делу ведь надо с душой относиться, а к рыбалке тем более, — прищурившись, сказал дед.

— А как это, с душой? — спросили мы.

— Да очень просто. Во-первых, надо иметь терпение, а во-вторых, радоваться тому, что име-

ешь, и не желать слишком многого. Да вы садитесь рядышком, я вас научу, — предложил он.

Мы притащили удочки и уселись. Не знаю, вкладывали ли мы душу, но рыбы наловили в тот день много.

Звали нашего учителя дед Митрич — так он нам представился. Несмотря на свой возраст, был он очень бодрым. К тому же оказался человеком веселым и занятым, и мы быстро подружились.

Каких только историй он нам не понарасказывал! Услышали мы, как с голодухи в детстве в луже (после разлива) руками поймал свою первую в жизни рыбешку, и о его самом большом улове, и том, как однажды ему довелось даже на лисицу охотиться — одним словом, чего только не услышали. Узнали мы и его историю.

— Было очень бедное время. Семья наша была большой, из восьми человек состояла. Мама растила нас одна: отец погиб, в лесу деревом придавило. Трудно было ей прокормить всех нас. Ели, что придется. Ходили в обносках. Летом-то ничего, босиком бегали, а зимой все больше на печке сидеть приходилось — обувки-то не было. Учиться хотел страсть. Но даже семилетку закончить не довелось: пришлось идти работать. Матери помогать-то надо было. Там, в колхозе, меня война застала. Мне тогда только пятнадцать исполнилось. Остался в деревне почти за старшего — все-то мужики на фронт ушли. А как вышло мне восемнадцать, так меня сразу и призвали — было это уже в сорок третьем... — Он приумолк. В это время поплавок повело в сто-

рону, он даже не заметил этого, а мы боялись нарушить молчание. — Много кровушки было пролито за нашу землю. Правда, мне повоевать пришлось немного, чуть ли не в первом бою ранило. Оказался в госпитале. Там-то и познакомился со своей будущей женой, со своей Лизонькой. Лизой звали ее, санитарочкой работала. Как увидел ее, так сразу и понял: «Моя будет». Так оно и вышло. К службе я был непригоден и остался в госпитале по хозяйственной части. Поженились мы тогда же. А как война-то закончилась, мы сюда вернулись, да и прожили здесь вместе сорок девять годков. Всю жизнь душа в душу-то и прожили... Скоро вот четырнадцатый год, как нет моей Лизоньки на свете.

Я впервые встречал человека, так много повидавшего в жизни, и мне нравилось, что относился он к нам, как ко взрослым. «Одним словом, — как сказал Колька, — Митрич — классный дед». И нам с ним было интересно.

А потом случилось так, что на рыбалку мы не ходили два дня. Ко мне приезжала на выходные мама, а Колька был занят хозяйственными делами. А когда пришли на озеро, Митрича не было. Мы закинули удочки. Рыба хоть и клевала, но настроения почему-то не было. Просидели мы до сумерек, но дед Митрич так и не пришел. Не было дня, чтоб он пропустил рыбалку. Мы забеспокоились и, решив узнать, в чем дело, отправились к нему домой.

Жил он почти на окраине деревни, в маленьком, с крохотными окошками домике, которым так гордился. Коля постучал в дверь — никто не ответил. Он постучал еще раз. Тишина. Тогда я тихонько толкнул дверь, и она открылась сама. Мы, переглянувшись, вошли.

— Дед Митрич, — позвали мы.

Но никто не ответил. Мы прошли дальше и увидели его на кровати. Одетый, он лежал поверх покрывала с закрытыми глазами. Мы испугались: нам показалось, что он умер.

— Дед Митрич, — позвали мы вновь.

— А... это вы, ребята, — сказал он, повернув голову в нашу сторону. — А я... вот... лежу... — говорил он с расстановкой, тяжело дыша. — Мне б... Дмитриевну...

Колька побежал за фельдшерницей тетей Валей, а я остался дежурить.

Тетя Валя успокоила нас, сказав, что ничего страшного нет, просто поднялось давление. Она сделала укол и сказала, что до утра он будет спать и чтоб мы не волновались и шли домой. А завтра с утра она его навестит.

На следующий день мы были у Митрича. Тетя Валя уже сделала ему укол, и он чувствовал себя лучше, хотя вставать и было нельзя. Мы сбегали за водой, сготовили нехитрый завтрак. Из живно-

сти у Митрича была одна кошка, так что здесь проблем не было. И за всеми этими хлопотами мы узнали, что же с ним такое случилось.

Оказалось, скоро годовщина смерти его жены. Вот он и решил накануне сходить на Лизонькину могилку, посмотреть, подправить, если что...

— Еще издали я увидел, — продолжал дед Митрич, — что что-то не так. Подошел и обмер. Скамейки выворочены, разорванный рушник валяется, а креста вовсе нет, — он говорил, а из глаз его катились слезы и пропадали где-то в морщинках. — Сколько живу, а такого сраму не видывал на своем веку. До чего дожили?! На святое руку подняли. Память и ту осквернили.

Просидев до темноты и убедившись, что у Митрича все хорошо, мы пошли домой. По дороге хотели было завернуть на кладбище, посмотреть, в чем дело, но было уже поздно, а бродить в темноте было жутковато, и мы отложили нашу затею на завтра.

...На кладбище я был впервые. И скажу по совести, вначале немного робел. Но вспомнив слова бабушки, что бояться надо не мертвых, а живых, приободрился.

Вокруг стояла такая умиротворенная тишина, что мы невольно стали разговаривать шепотом.

В поисках «Лизонькиной могилки» мы исследовали чуть ли не все кладбище. Оно состояло как бы из двух частей: «старого» и «нового». Новое размещалось на просторе, здесь были могилки «свежие», ухоженные. Почти везде стояли памятники, кованые ограды, столики со скамейками. А на старом могилки были втиснуты между больших берез, на которых висели опустившие вороньи гнезда. Здесь памятников не было. Возвышались только одни кресты: железные кое-где, а в основном деревянные, местами уже покосившиеся. Некоторые могильные холмики почти сравнялись с землей. Лизонькину же могилку мы нашли на границе между «новым» и «старым» кладбищем под одной из раскидистых берез. Видно было, что за ней любовно ухаживали, но сейчас картина была ужасная: когда-то ровенький холмик с крестом был осыпан, одна лавочка, выдернутая из земли, другая, просто оторванная, валялись в стороне, а на месте креста зияла яма. Оценив ситуацию, мы принялись за дело. Сбегали перво-наперво за инструментами и убрали весь мусор. Прибили крышку и установили лавки, подравняли могилку. Но как бы мы ни старались, могилка без креста не могилка. Но тут уже мы ничего поделать не могли.

На обратном пути мы забежали проведать деду Митрича, так что домой я вернулся поздно. Бабушка уже спала, и я на цыпочках, стараясь

не шуметь, пошел к своей кровати и начал раздеваться. Но как только я прилег, старые пружины заскрипели и я услышал:

— Где тебя носит с утра до вечера? Второй день не вижу!

Я рассказал ей обо всем.

— О-хо-хо, — вздохнула бабушка. — До чего дожили. Мало что все со дворов сволокли на этот проклятуший металл, чугунок боишься оставить. Так уже и до могилки дошли, и мертвым от них покоя нету. Срам-то какой. А насчет креста вы к Кузьмичу сходите, он не откажет.

...На другой день после обеда вместе с Кузьмичом мы установили на могилке новый, пахнувший свежестью сосновый крест, обвязав его выданным бабушкой рушником.

— Да, — сказал Степан Кузьмич, — молодцы, ребятки. — Жалко, что помрет скоро Митрич и некому будет ухаживать за могилкой, и станет она заброшенной, как многие.

Постояв еще немного, мы разошлись. Степан Кузьмич пошел домой, а мы побежали к деду Митричу. На дверях висел замок. Соседка сказала, что увезли в больницу. Нам ничего не оставалось, как идти домой. А там меня ждала мама. Вышла ее коллега на работу, и маме дали неделю отпуска.

На море мы уже не успевали, но она обещала мне устроить трехдневный праздник. Мы ходили в лес, на озеро, купались и ловили рыбу. Даже ма-

ма поймала четырех маленьких карасиков. Мы рассказали ей про деда Митрича, и она похвалила нас. В общем, было здорово. А потом мы поехали домой. Пора было готовиться к школе.

...А спустя месяц я получил от Кольки письмо. В нем он рассказывал, как у него дела, говорил, что дед Митрич уже вышел из больницы и, когда побывал на кладбище, был очень растроган и велел мне кланяться. Но самое главное, когда им задали писать сочинение «Памятный день летних каникул», Колька написал о нашей рыбалке и об истории с «Лизонькиной могилкой». А на следующий день учительница прочитала это сочинение перед всем классом. И на собрании они решили взять шефство над одинокими могилками и следить за порядком на кладбище.

— Вот видишь, — сказала мама, когда вечером я прочитал ей письмо, — одно доброе дело влечет за собой другое.

«Да, — думал я, почти засыпая, — что море! Соленая вода, южный загар, который к зиме сойдет. Ну, фотографии, ну, воспоминания... Но ведь это только мои воспоминания и мои фотографии, пусть даже с мамой. А здесь — Память. “И наш долг перед памятью тех, кого нет рядом с нами”, — как сказала Колькина учительница. А море? Ведь впереди будут еще не одни летние каникулы...»

